

Вэй Хуань вдруг вспыхнула и, сверкнув на меня глазами, сказала: «Если ты и вправду считаешь меня другом, то прекрати испытывать меня такими словами. Если же видишь во мне лишь подчинённую, то мне нечего расточать дружеские чувства».

Я поспешно улыбнулась: «Виновата, хотела пошутить, а ты всерьёз рассердилась. Прости».

Вэй Хуань холодно ответила: «С чего бы вдруг так шутить? А, поняла: ты видела, как я сближаюсь с твоими людьми и не скрываю перед тобой симпатий и антипатий, и решила, что я что-то замышляю. Спроси себя: разве я делаю что-то не на твоих глазах? Если бы хотела что-то утаить, давно бы сделала за твоей спиной. А я сообщаю тебе о каждом шаге, потому что поверила твоим словам и сочла тебя другом. И вот за такую преданность ты принимаешься искать во мне изъяны? Видно, я и вправду глупа, раз поверила, что ты не такая, как они».

Я увидела, что её лицо побелело от гнева, и поспешно встала: «Виновата, не стоило тебя задевать. Больше не буду, прости, хорошо?» Не ожидая, что она отнесётся ко мне с такой искренностью, тогда как я видела в ней лишь обычную подругу для забав, я почувствовала стыд и раскаяние. Подошла, хотела ухватить её за рукав, но та, разгневанная, отшатнулась и направилась к выходу. Я снова потянулась к ней, не удержала, бросилась к двери и преградила путь, раскинув руки. Не успела вымолвить слово, как Вэй Хуань подняла бровь: «Принцесса не позволяет мне выйти?»

Ответить я не посмела. Отойти сразу — значило бы согласиться с её словами. Глаза метнулись в сторону, я схватила висевший рядом плащ и, подобострастно улыбаясь, произнесла: «На улице холодно, если выходишь, надень что-нибудь потеплее».

Пыл Вэй Хуань поутих. Увидев, что путь свободен, я сама накинула на неё плащ, затем взяла переносную жаровню и зонт, отыскала её кожаные сапоги и притащила к двери, весело сказав: «Дорога скользкая, в сапогах лучше». Удостоверившись, что гнев на её лице не усилился, осторожно спросила: «Куда собралась? После обеда в Павильоне Плывающих Чаш пир, пойдёшь со мной?»

Вэй Хуань подняла на меня глаза: «В баню».

Я вспомнила про совместное сочинение стихов после обеда, хотела попросить у неё совета, но не решилась сказать прямо, потому что просто улыбнулась: «Я тоже».

Вэй Хуань, уже смягчившаяся, вновь нахмурилась: «Разве ты не собиралась к императору? Зачем тогда меня донимаешь?»

Только тогда я вспомнила об этом. Пришлось проводить её до двери, затем позвать служанок, чтобы одели, велеть подать паланкин и отправиться в главный зал.

Мать обычно с рассвета до полудня вершила дела в чертоге, а затем отдыхала. Потому даже здесь, в загородном дворце, у входа в главный зал толпились сановники в ожидании аудиенции. День выдался особенно холодный, и мать велела поставить несколько палаток с жаровнями и горячим чаем, чтобы они могли ждать внутри.

Увидев посторонних чиновников, я подозвала ближайшего слугу в зелёном и велела доложить о себе. Тот согласился и добавил: «Её Величество сейчас принимает, возможно, придётся подождать. Может, принцесса подождёт в палатке?»

Я поколебалась, затем сошла с паланкина и последовала за ним в самую крайнюю палатку. Думала, там никого не будет, но, войдя, увидела Сюй Цзинцзуна, Фан Ицзэ и Вэй Шулиня,

сидящих у жаровни, а несколько молодых чиновников что-то переписывали — вышло, министры перенесли сюда Зал государственных дел.

Увидев меня, министры слегка смутились. Мне тоже стало неловко, и я мысленно выбрала слугу за бестолковость. Опасаясь, что министры станут кланяться мне по рангу, я первая поклонилась им: «Учитель Сюй, учитель Вэй, господин Фан».

На лице Сюй Цзинцзун мелькнула улыбка. Он кашлянул и кивнул: «Принцесса Чанлэ».

Я не знала, что сказать, а только что войдя, не могла просто уйти. Видя, что он выглядит нездоровым, поспешила осведомиться о самочувствии. Сюй Цзинцзун с улыбкой поддерживал беседу, Фан Ицзэ лишь пил чай, а Вэй Шулинь, после нескольких минут разговора, начал проявлять нетерпение. Я следила за их выражениями и, увидев, как он встряхивает рукавами, чтобы откланяться, поспешно сказала: «Я проходила мимо, увидела учителей и зашла поприветствовать. Если у вас нет дел, я пойду». Стремглав выскочила наружу, намереваясь отчитать слугу, что привёл меня сюда, но обнаружила, что на том месте, где он стоял, никого нет.

Сердце ёкнуло. Я окинула взглядом всех слуг в палатке и подозвала одного в красном: «Кто только что стоял здесь?»

Тот осторожно взглянул на меня и тихо ответил: «Здесь никто не дежурит».

Сердце заколотилось. Я посмотрела на слуг у входа в чертог — все они стояли на ступенях, никто не спускался сюда. Я взглядела в их лица, но так и не узнала того — слуг при дворе было великое множество, да и те, что служили в дворце Тайцзи, дворце Дамин и загородных резиденциях, различались. Тот слуга всё время стоял, опустив голову, я же не обратила внимания, помня лишь, что на нём было зелёное.

Хотя на улице стоял мороз, я вдруг почувствовала, как выступает пот. Сжав губы, я сказала слуге в красном: «Позови сюда всех, кто у входа, я спрошу».

Тот поколебался, но согласился. Когда он уже собрался уходить, я остановила его: «Не надо». Слуги были рабами императора, но отнюдь не рабами его детей. Если я стану допрашивать их при стольких сановниках, одно неверное движение — и пойдут пересуды. К тому же, если тот слуга не имел злого умысла, не стоило и внимания обращать, а если имел — едва ли мне удастся что-либо выяснить. Лучше не привлекать лишнего внимания.

То, что я случайно ввалилась в Зал государственных дел, было не такой уж бедой. Даже если министры остались недовольны, максимум — пожаловались бы отцу. Допрос слуг при министрах тоже не катастрофа — разве что покажет мою властность. Однако, поразмыслив, я вспомнила, что даже простой вопрос о том, где мать, заставил Вэй Хуань усомниться. Если я стану допрашивать слуг при министрах, и кто-то, приукрасив, доложит отцу или матери, меня наверняка отчитают.

Но, с другой стороны, даже если дело примет серьёзный оборот, максимум, что мне грозит, — несколько выговоров. Учитывая, как отец балует детей, и мой возраст, я могла бы просто подольститься, извиниться — и никаких реальных последствий. Если же кто-то действительно затратил столько усилий и пошёл на риск, подстроив всё это, лишь чтобы меня отругали или, в худшем случае, урезали пожалования (которые, возможно, вскоре вернут), — то зачем?

Погружённая в размышления, я не стала просить аудиенции и вернулась в свои покои. На пороге увидела Вэй Хуань, аккуратно одетую, стоящую на галерее и о чём-то беседующую со

служанкой. Удивилась: «Ты же в баню собралась, почему так быстро?»

Она бросила на меня сердитый взгляд: «Ты думаешь, у меня столько свободного времени, как у тебя?»

Я поняла, что она даже не заходила в воду, но не стала придирааться. Войдя в комнату, ни с того ни с сего чихнула несколько раз подряд. Вэй Хуань, пока я наклонялась, чтобы снять обувь, сунула руку мне за ворот — я аж вздрогнула от холода и вырвалась: «Холодно!»

Вэй Хуань сказала: «Сама знаешь, что холодно, так зачем выходила и вернулась вся в поту? Заболеешь — опять на нас, слуг, вина свалится».

Видно, злость ещё не прошла. Я, не снимая обуви,хватила её за руку: «Не нарочно, просто кое-что случилось, вот и испугалась». Тут же снова чихнула. Вэй Хуань, нахмурившись, подтолкнула меня: «Сначала помойся, потом заходи». Она уже звала служанок, чтобы те принесли всё необходимое, и торопила меня идти на восток.

Мне нужно было с ней поговорить, а павильон Шуйюй, открытый со всех сторон, был отличным местом для беседы без лишних ушей. Потому, ухватив её за руку, я потащила за собой, улыбаясь: «Пойдём вместе».

Вэй Хуань не стала отказываться, и мы вместе вошли в воду. Вокруг стояли служанки, бамбуковые шторы были опущены, так что я сбросила халат и, совершенно голая, принялась плескаться в воде. Обернувшись, увидела, что Вэй Хуань всё ещё в простом шёлковом халате, плотно застёгнутом ниже ключиц — так называемые халаты для купания в наше время были всего лишь лёгкими платьями, шёлковыми или атласными, в воде же только мешались. Мне стало любопытно, я ткнула её в плечо: «Чего не раздеваешься?»

<http://bllate.org/book/16278/1466041>